

УДК 903/908

А. А. Стрелковский, Г. В. Кретинин

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ**

61

Рассматривается проблема взаимодействия природы и общества на территории современной Калининградской области в каменном веке. Выявлена определяющая роль природного фактора в процессе формирования культурного ландшафта. Показано, что антропогенное изменение природной среды носило минимальный характер и выражалось в воздействии лишь на отдельные компоненты природного ландшафта. На рубеже палеолита и мезолита с территории региона исчезли представители так называемой мегафауны: мамонты, шерстистые носороги и туры. Популяция северного оленя значительно уменьшилась и к середине мезолита полностью исчезла. Сделаны выводы, что изменения в животном мире были обусловлены не только природными изменениями, но отчасти и антропогенным фактором. Влияние же на растительность сложно проследить ранее эпохи позднего неолита, когда пойменное земледелие (не повсеместно) закрепилось в хозяйстве на второстепенных ролях. Благоприятная природная обстановка в мезолите-неолите способствовала складыванию комплексно-адаптирующегося типа хозяйства, характеризующегося крайней устойчивостью.

The authors reflect on the interaction of nature and society in the territory of the modern Kaliningrad region in the Stone Age. Natural factors played a decisive role in the formation of the region's cultural landscape. In the Stone Age, anthropogenic changes in the natural environment were minimal and were mainly noticed in separate components of the natural landscape. At the boundary of the Paleolithic and Mesolithic periods, megafauna species – mammoths, woolly rhinos and turs – disappeared from the territory of the region. The reindeer population decreased significantly and completely disappeared in the middle of the Mesolithic. Changes in the fauna were caused by both natural and anthropogenic factors. It is difficult to trace the anthropogenic effect on vegetation before the Late Neolithic when floodplain agriculture (though not everywhere) started playing an auxiliary role. Favourable natural conditions in the Mesolithic-Neolithic periods contributed to the formation of a complex adaptive type of economy, characterized by sustainability.

Ключевые слова: культурный ландшафт, палеолит, мезолит, «лесной» неолит, комплексная адаптация.

Keywords: cultural landscape, Paleolithic, Mesolithic, forest Neolithic, complex adaptation.

Каменный век в истории развития материальной культуры традиционно делится на три периода: палеолит, мезолит и неолит. Однако в разных регионах хронологические рамки каждого из периодов могут смещаться. Одним из важных факторов, влиявших на выбор места обитания и хозяйства, были природные особенности [9, с. 21]. Территория Калининградской области находится в лесной зоне Восточной Европы и для нее характерно смещение хронологических рамок ближе к современности.

Основную часть палеолита Юго-Восточная Балтика провела под мощным слоем снега и льда, ставшим серьезным препятствием для проникновения групп животных и человека. Только в самом конце данного периода, после отступления ледника, то есть около 14 тыс. лет назад, появилась возможность для заселения пространства. Долгое время эта цифра была максимальной в работах довоенных и отечественных исследователей по этой проблеме [21, s. 22]. Однако благодаря OSL-датированию слоя с позднепалеолитической стоянки Рядино-5 возникли основания для предположения о более раннем посещении этих земель человеком — $44\,000 \pm 3\,400$ лет назад в период валдайского интерстадиала (MIS-3). По предположению О.А. Дружининой, стоянка времени MIS-3 могла быть перекрыта более поздними отложениями, впоследствии испытавшими эрозию [2, с. 51–52]. По одной дате с области и нескольким датам с соседних регионов рано еще что-то твердо утверждать. Необходимы дальнейшие исследования в данном направлении.

Современный рельеф Калининградской области был сформирован под воздействием как минимум трех ледниковых эпох в четвертичном периоде: цепь конечных морен (в составе Балтийской гряды), сглаженных эрозионными процессами; многочисленные озера и две большие котловины, ставшие впоследствии Куршским и Вислинским заливами. Многочисленные мелкие озера после окончания притока ледниковой талой воды обмелели, заилились и к более позднему времени перестали существовать или превратились в болота [20, с. 70, 74–75; 3, с. 45–46].

К моменту проникновения первых людей на изучаемую территорию (около 14 тыс. лет назад) природные особенности региона были достаточно суровыми: земля только освободилась от ледника и встречала первопроходцев в тундрово-степном облике, мало пригодном для длительного проживания. Средняя июльская температура не превышала $10–12^{\circ}\text{C}$ [5, с. 74; 29, s. 20–23]. На этих территориях произрастали карликовые формы березы, сосны, ивы и недревесные растения. Животный мир, зависящий от растительности, был представлен последними мамонтами, шерстистыми носорогами, северными оленями — животными, придерживавшимися приледниковой зоны. Жесткая шерсть хорошо защищала этих животных от низких температур [23, s. 4].

Появление первобытных охотников на этой территории носило временный характер и было обусловлено сезонными миграциями северного оленя. Заселение шло двумя путями: с юго-запада и юго-востока, где находился ареал крупной позднепалеолитической свидерской культуры [29, s. 35–39], которая, в свою очередь, положила начало

двум разным мезолитическим культурам: неманской мезолитической и Кунда. Помимо изделий, типичных для свидерской культуры, был обнаружен материал, свойственный для таких более западных культур, как броне-лингби, аренсбургской, федермессер и гамбургской, что наталкивает на мысль о культурной неоднородности населения эпохи финального палеолита региона [5, с. 73; 29, с. 29–60]. Элементы этих культур можно наблюдать на материалах с раскопок на территории нынешней Калининградской области. К этому же времени относятся немногочисленные орудия из кости и рога северного оленя, в том числе рог северного оленя со следами от кремниевое орудия и топоры типа Лингби [24, с. 91–92]. Ценность данных находок состоит в том, что они засвидетельствовали появление человека на территории нынешней Калининградской области в финальном палеолите. Из представленных культур формировалась последующая мезолитическая культурная общность, где доминировали элементы свидерской культуры, а элементы других культур имели подчиненное положение

Со временем климат становился мягче. Широколиственные и хвойные леса распространились практически по всей области [21, с. 18, 21–23], что создало условия для появления в мезолите (около 10 тыс. до н. э.) большого разнообразия животных [10, с. 16; 22, с. 18]. Некоторые виды тех животных и сейчас населяли бы край, если бы этому не помешала деятельность человека. Растущая плотность человеческих поселений и интенсивная охота привели к тому, что популяция туров и зубров начала стремительно сокращаться еще в мезолите и неолите [21, с. 22]. В хвойных и смешанных лесах с болотами, тихими реками и ручьями водились лоси, благородные олени и косули, медведи, кабаны, а также более мелкие животные. На более или менее открытых пространствах паслись дикие лошади – тарпаны. Можно предположить, что стоянки людей становятся более продолжительными, чем в финальном палеолите, так как биотоп стал содержать высококалорийные пищевые ресурсы в большем количестве [21, с. 22; 5, с. 74].

С исчезновением таких представителей мегафауны, как мамонты, шерстистые носороги и северные олени, первобытные охотники изменили способы охоты. Орудия уменьшились в размере и стали более сложными в производстве: кинжалы из трубчатых костей, костяные и кремневые наконечники стрел, массивные острия [25, с. 65–66]. Зачастую орудия украшали простым орнаментом. В сравнении с поздним палеолитом рыболовство стало занимать более значимое место в хозяйстве [9, с. 21], что заметно по большому количеству найденных гарпунов. Эти орудия рыболовства имеют одностороннее расположение зубцов двух типов: мелкие частые и большие редкие. Рыбная ловля проводилась при помощи остроги. Также встречаются рыболовные крючки различных величин. Представляют интерес и мотыги, служившие инструментом при выкапывании корней или сборе растений [23, с. 9–12]. Разнообразный характер орудий отчасти свидетельствует, что у местного населения формировалось высокопроизводительное хозяйство присваивающего типа.

Стоит отметить, что на территории Калининградской области каменный век изучен гораздо слабее, чем на территории соседних государств, хотя исследования данных периодов начались еще в довоенное время благодаря таким специалистам, как О. Тишлер, А. Бецценбергер, В. Ля-Бом, В. Герте, К. Энгель и Х. Гросс, а также многочисленным любителям [15, с. 4–14]. В послевоенное время Н.Н. Гурина, О.А. Дружинина и М.Г. Жилин в разные годы провели ряд разведочных работ. Полноценные же полевые исследования финальнопалеолитических и мезолитических памятников в восточной части области были осуществлены под руководством В.И. Тимофеева. Среди известных памятников данного периода необходимо отметить Никольское I – IV, Рябиновка и Рядино I – V [14, с. 56–57].

Около 6,5 тыс. лет назад начинается процесс неолитизации – постепенного перехода к производящему хозяйству. В среде носителей местных мезолитических культур, освоивших речные и озерные долины региона, сначала начали внедряться навыки гончарного производства. Хозяйство и технология изготовления орудий долгое время оставались такими же, как в мезолите и отчасти в финальном палеолите. Это не свойственно для традиционного понимания неолитических новаций, поэтому местный этап неолита в научной литературе носит название «лесного неолита» [11, с. 6–7; 12], «паранеолита» или «субнеолита» [27, s. 264–267; 28, p. 114], а также «керамического мезолита» [26, s. 59–69]. Однозначно, что ранний неолит данного региона имеет местные неолитические корни. Самой ранней неолитической культурой региона считается цедмарская культура, эталонные памятники которой находятся в Озерском районе. Они были открыты еще в начале XX в. немецким генералом К. Штади, который, однако, вел раскопки на низком методическом уровне. В послевоенное время стоянки раннего и среднего неолита Цедмар А и Цедмар Д исследовал В.И. Тимофеев. Им же были обнаружена стоянка Утиное Болото в Краснознаменском районе, Тушино и Тимофеево в Неманском районе. Основной этап развития цедмарской культуры пришелся на климатический максимум голоцена – в среднем было теплее, чем сегодня, на 2°С [17, с. 13–14]. Конечно, это не могло способствовать переходу к производящему хозяйству, так как обилие животных в лесах укрепляло позиции охоты.

Трансформация хозяйственного уклада произошла по нескольким причинам. В отношении носителей культур с присваивающей экономикой главным фактором, способствующим переходу к земледелию и скотоводству, стал климатический фактор. Это мы можем видеть на примере культуры Эртебёлле, расположенной на западном побережье Балтийского моря. Хозяйство и орудия носителей культуры Эртебёлле [31, s. 143, 149], так же как у носителей культуры Цедмар и отчасти КШК, оставались долгое время такими же, как в эпоху мезолита. Однако климатические изменения и последующее влияние ленточных культур привели Эртебёлле к трансформации своего хозяйства в сторону перехода к производящей экономике [30, s. 243–244, 246–247]. Климатические изменения были и на территории Юго-Восточной Балтики,

например во время перехода от атлантического к суббореальному периоду, который произошел около 3800–3200 гг. до н.э. Данный переход сопровождался падением как зимних, так и летних температур, а также сокращением количества осадков. Примерно 4500 лет назад (3485–2995 calBC) отмечается экстремум похолодания: среднегодовые температуры упали на 2–2,5°C. Количество осадков уменьшилось на 50 мм [17, с. 15; 21, с. 34]. Однако данные изменения слабо повлияли на фауну региона — основной источник питания носителей неолитических культур Юго-Восточной Балтики.

Также интересен тот факт, что, проживая на берегу большого озера, носители культуры Эртебёлле мало занимались рыболовством. Это видно по соотношению рыбных остатков и костей животных и птиц. Так, в культурном слое поселения Цедмар Д было обнаружено около 5300 обломков костей животных и птиц и лишь 60 обломков рыбьих костей. Полное отсутствие грузил для сетей, остатков поплавков и других свидетельств в пользу сетевого рыболовства — все это указывает на неразвитость широкой рыбной ловли и на неслучайное обстоятельство соотношения костей. Наличие гарпунов и рыболовного крючка является неоспоримым свидетельством индивидуальной ловли [13, с. 89].

Орудия из кости и рога практически не изменились по сравнению с предыдущим этапом, они являются типичными для неманской культуры. Однако есть образцы роговых орудий центрально-европейского облика. Большой интерес для исследователей представляет керамический материал. Такие элементы, как минеральная примесь, «воротничковое утолщение венчика», некоторые типы орнамента, указывают на влияние со стороны культуры воронковидных кубков [16, с. 75–76]. С другой стороны, имеются сходные типы орнамента с соседними нарвской и неманской культурами. В отличие от последних цедмарские сосуды преимущественно плоскодонные, что также связывает цедмарскую культуру с центрально-европейскими культурами воронковидных кубков и Лендзел [8, с. 14]. Кости домашних животных многочисленны. Сами одомашненные виды животных были, скорее всего, результатом обмена с юго-западными соседями [18, с. 163–164].

Представители цедмарской культуры являлись доиндоевропейцами [22, с. 38], а вот сменивших их носителей культуры шнуровой керамики многие исследователи относят уже к (пра)индоевропейской языковой группе [1, с. 137; 22, с. 56–57]. В довоенное время В. Герте предложил схему трех стадий заселения территории Юго-Восточной Прибалтики в неолите, по которой стоянки возникали вдали от моря, но со временем появились в прибрежной части [23, с. 47–50]. Самые интересные памятники рубежа среднего и позднего неолита региона, открытые и исследованные Э.Б. Зальцманом, находятся в пос. Прибрежном и Ушаково. Причем на поселении Прибрежное также была обнаружена керамика с типичными для цедмарской культуры чертами: пористая с раковинной примесью, Г-образный венчик. Это может свидетельствовать как о культурных контактах, так и об присутствии носителей цедмарской культуры на побережье и необходимости расширения ее ареала [8, с. 15].

Также шнуровая керамика была обнаружена на памятниках цедмарской культуры практически повсеместно на побережье Куршского и Вислинского заливов, так и во внутренних районах Калининградской области [6, с. 125–132; 19, с. 9–12, 24–25]. Пришедшие на данную территорию представители шнуровой керамики переняли многие элементы у местных культур (цедмарской, нарвской, неманской), а также у центрально-европейских культур воронковидных кубков и шаровидных амфор. Таким образом, образовался локальный приморский вариант культуры шнуровой керамики [7]. Материальный комплекс свидетельствует о том, что в IV – III тыс. до н.э. люди на территории Калининградской области вели уже оседлый образ жизни и занимались не только охотой и рыбной ловлей, но и скотоводством и земледелием. Производящие формы, правда, не играли хоть какой-то важной роли в структуре хозяйства носителей приморского варианта шнуровой керамики. Охота, собирательство и рыболовство продолжали играть ведущую роль в экономике племен лесной зоны.

Основные находки с раскопок этих поселений представляют собой керамические сосуды различных форм: широкогорлые горшки, амфоры, кубки, ладьевидные и воронковидные миски, хорошо орнаментированные оттисками шнура, благодаря чему культура и получила свое название [6, с. 49–66].

Уровень обработки камня возрос. Появились идеально отшлифованные каменные топоры с просверленными отверстиями для рукояти. Размер топоров был разный – от 2 до 20 см длиной. Маленькие, прекрасно отполированные топоры из кремня, яшмы и обсидиана [6, с. 44, 155], скорее всего, служили для ритуальных целей. Большие ладьевидные или клиновидные топоры имели преимущественно боевое назначение. Особый интерес представляет топорик, найденный еще в довоенное время, на котором схематично изображена рыба, что достаточно сложно интерпретировать, так как аналогов пока не обнаружено. С большей степенью вероятности данное изображение имело религиозное содержание. Встречаются янтарные украшения в виде ожерелий и амулетов. Зачастую янтарные украшения клали в погребения вместе с сосудами и орудиями труда. Надо учитывать при этом, что обычно умерших хоронили с поджатыми ногами, как бы в «спящем» положении, в соответствии с религиозными представлениями в пределах жилища или поселения [23, с. 58–60]. Мотивом этих действий может служить стремление хоронивших сохранить связь умершего с жилищем и жизнью поселения. Выделяется ряд очагов с некоторыми признаками бывшего ритуального предназначения. Помимо доказательств недолгого функционирования в них зачастую обнаруживаются предметы быта и орудия труда, иногда миниатюрных размеров или подверженные порче. В некоторых из очагов (и рядом) обнаружены топоры и ладьевидные сосуды. В одном из очагов было найдено тесло с обугленной рукоятью [6, с. 67–68].

Неолитическая эпоха заканчивается в первой четверти II тыс. до н. э. с появлением первых импортных изделий из металла и с частичным изменением хозяйственного уклада племен — носителей приморского варианта культуры шнуровой керамики.

На протяжении практически всего каменного века в изучаемом регионе экономика местного населения была построена преимущественно на присваивающих формах хозяйства и заключалась в комплексной адаптации к природной среде и отчасти ее оптимизации. При этом роль природного фактора в процессе складывания хозяйственного уклада рассматриваемого региона была определяющей. Например, относительно развития производящих форм экономики природная среда выступала затормаживающим фактором: биотоп, содержащий высококалорийные пищевые ресурсы, не располагает к изменению коренных основ хозяйства. Для охотников и собирателей нет никакого стимула менять свой уклад. Незначительные климатические изменения, случавшиеся на протяжении мезолита и неолита, практически никак не сказывались на состоянии фауны, в то время как в западной части побережья Балтийского моря они косвенным образом спровоцировали смену структуры питания местного населения, заставив его перейти к производящим формам экономики. Таким образом, выработанные на протяжении каменного века принципы социально-экономической адаптации при наличии богатых пищевых ресурсов способствовали некоторой консервации как хозяйственной деятельности, так и социальной структуры. Вследствие этого воздействие человека в результате его хозяйственной деятельности на природную биомассу было незначительным. Формирование культурного ландшафта интенсифицировалось в раннем неолите, когда человек стал влиять на окружающую среду в целях оптимизации ландшафта под нужды хозяйства, имея при этом присваивающий тип экономики. В последующие эпохи раннего металла и вплоть до раннего Средневековья происходит увеличение доли скотоводства и земледелия, но в общем их роль в экономике местного населения региона не являлась преобладающей.

Список источников и литературы

1. *Долуханов П. М.* Истоки этноса. СПб., 2000.
2. *Дружинина О. А.* Об опыте применения палеогеографических методов исследования при изучении позднепалеолитической стоянки Рядино-5 (Калининградская область) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2015. Т. 5. С. 51–52.
3. *Дружинина О. А.* Взаимодействие природы и общества в междуречье Немана и Вислы на рубеже плейстоцена и голоцена : дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2005. С. 43–46.
4. *Дружинина О. А.* Результаты геохимических исследований культурного слоя археологического памятника Рядино-5 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2012. № 1. С. 29–33.

5. Дружинина О.А., Сходнов И.Н. Шешупская равнина — территория древнейшего заселения Калининградской области // Человек, адаптация, культура. М., 2008.

6. Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики (Материалы охранных археологических исследований, том 14). Тверь, 2010.

7. Зальцман Э.Б. К проблеме происхождения приморской культуры (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №1. С. 6—38.

8. Зальцман Э.Б. Вопрос о западной границе цедмарской культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №1. С. 5—16.

9. Кольцов Л.В. О некоторых проблемах мезолита // КСИА РАН. Вып. 211. 2001. С. 17—22.

10. Маркова А.К., Кольфсхотен Т.ван, Симакова А.Н. и др. Экосистемы Европы в период позднеледникового потепления бёллинг-аллерёд (10,9—12,4 тыс. лет назад) по палинологическим и териологическим данным // Известия РАН. Сер. географическая. 2006. №1. С. 15—25.

11. Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 6—10.

12. Стрелковский А.А. История изучения неолитической культуры Цедмар // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. №6. С. 86—93.

13. Тимофеев В.И. Некоторые данные о рыболовстве в каменном веке // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 87—90.

14. Тимофеев В.И. Мезолит Калининградской области // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989. С. 56—57.

15. Тимофеев В.И. История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии: сб. науч. тр. Калининград, 2003. Вып. 1. С. 4—14.

16. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Археологические вести. СПб., 1998. Вып. 5. С. 75—76.

17. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.

18. Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 162—166.

19. Тимофеев В.И. Материалы о работах по разведке археологических памятников Калининградской области в 1972—1976 гг. // Научный архив Калининградского областного историко-художественного музея (далее — НА КОИХМ). Ф. 1. Оп. 60. Д. 51.

20. Шикунов П.И. Из геологического прошлого Калининградской области // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 38.

21. Bohne-Fischer H. Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit. Königsberg ; Berlin, 1941.

22. Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg, 1937.

23. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.

24. Groß H. Auf die ältesten Spuren des Menschen in Altpreußen // Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde und Heimatschutz. Königsberg, 1939. Bd. 32. S. 91—92.

25. *Groß H.* Die Bedeutung des Renttierjäger-fundes von Bachmann, Kreis Memel // *Alt-Preußen. Vierteljahresschrift für Vorgeschichte und Volkskunde.* 1939. №4/3. S. 65–66.

26. *Gumiński W.* Kultura Zedmar a kultura Narva. Razem czy osobno // *Światowit.* Warszawa, 1999. T. 42. S. 59–69.

27. *Malinowski T.* Sprawa termiliciczna: kultura narewska // *Archeologia Polski.* 1991. T. 36. S. 264–267.

28. *Nowak M.* The second stage of Neolithisation and para-Neolithic in the southern Baltic // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене : докл. междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 110–115.*

29. *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław, 1973.

30. *Scharl S.* Die Neolithisierung Europas – Modelle und Hypothesen // *Archäologische Informationen.* 2003. № 26/2. S. 243–254.

31. *Weber T.* Flintinventare der Ertebölle- und der Trichterbecherkultur im südwestlichen Ostseeraum // *Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam.* 1980. Bd. 14/15. S. 143–150.

Об авторах

Александр Александрович Стрелковский – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

The authors

Alexander A. Strelkovsky, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com